

Лорен Голднер

**Амадео Бордига и
современность: коммунизм
— материальное
сообщество людей**

Уже много десятилетий назад революционным марксистам стало ясно, что общественная реальность в Советском Союзе, Китае и других так называемых «социалистических» странах полностью противоречит марксовому проекту освобождения рабочего класса и всего человечества. Многие теоретики — от Розы Люксембург в ее «Русской революции» (1918 г.) до Маттика, Корша, Бордиги, Троцкого, Шахтмана или Джеймса (назовем лишь некоторых) — пытались дать ответ на знаменитый «русский вопрос»: вопрос о том, что означает для марксистов поражение российской революции и международный триумф сталинизма. Суждения, высказанные в ходе дебатов, были настолько различными, что Уинстон Черчилль — которого никак нельзя заподозрить в близости к марксизму и левым — справедливо назвал Советский Союз «загадкой, вдвойне окутанной тайной». Все нынешние душеприказчики теорий о «переродившемся рабочем государстве», «государственном социализме», «бюрократическом коллективизме», «государственном капитализме» или «переходном обществе» предлагают свои анализы и объяснения краха Восточного блока после 1989 г. — многие из них самоутешения ради. С типичным для марксистской теории умеренным оптимизмом большинство из этих течений (как и я сам) полагали, что главным соперником обреченной на гибель сталинистской бюрократии будет революционный рабочий класс, который теперь, наконец, поведет борьбу за подлинный социализм. Никто — и менее всего троцкисты, полагавшие, будто социальные основы Восточного блока превосходят те, которые существуют на Западе — не предвидел, что за сталинизмом последует не революционный марксизм, а слепой прозападный неолиберализм в духе Хайека и Фридмана и возродившиеся право-авторитарные течения межвоенной эпохи (при чем сталинисты будут играть крупную роль в обоих из них). Тем более никто не ожидал, что ликвидация социальных основ сталинизма повергнет в глубокий кризис сам марксизм. Но поскольку кризис Восточного блока вызвал к жизни не появление рабочих Советов, а популизм «крови и почвы», убийственный национализм, регионализм, религиозный фундаментализм и антисемитизм (авторитарные течения, которые неустанно перехватывают у остатков левой оппозиции возможность направить в свое русло движения против МВФ и рынка), становится ясным более чем когда-либо, что необходимо срочно пересмотреть большинство понятий, с помощью которых революционные марксисты на Востоке и Западе объясняли ход всемирной истории после 1917 г.

Настоящая статья призвана внести в это скромный вклад. В ней говорится о малоизвестных взглядах итальянского марксиста Амадео Бордиги на сущность Советского Союза. (Сам Бордига, если и известен вообще, то только как «ультралевый», подвергнутый нападкам Лениным в «Детской болезни левизны»). Обобщенно речь пойдет о тезисе, в соответствии с которым аграрный вопрос (центральный для капитализма, по мнению Бордиги) служит главным, хотя и мало обсуждавшимся ключом к истории обеих крупнейших деформаций марк-

сизма в 20 веке — социал-демократии и ленинизма. Статья должна показать, что европейская (и прежде всего немецкая) социал-демократия, по форме говоря марксистским языком, представляла собой государственническое извращение проекта Маркса и служила скорее школой более высокой ступени капитализма — возникавшего кейнсианского социального государства. То, что сегодня подходит концу, — это длинный этатистский обходный путь в истории освобождения рабочего класса, который скорее связан с заменой буржуазной революции с целью индустриализации отстающих обществ, нежели с социализмом или коммунизмом. Традиционно приукрашенный образ исторической немецкой социал-демократии до триумфа «ревизионизма» несостоятелен, поскольку ведет в тупик. История всегда идет впереди теории и сметает с дороги развалины этатистского наследия социал-демократии и ленинизма. Вопрос о том, как стало возможным, что проект Маркса с 1860-х гг. все глубже и глубже погрязал в этатистский проект просвещенного абсолютизма и его понимания Просвещения, сегодня актуален более, чем когда-либо. Но еще актуальнее вопрос о том, как можно снова освободиться из этой трясины.

Центральная роль аграрного вопроса в Советском Союзе, собственно говоря, не является новой темой. В академических рамках этим уже давно занимался, к примеру, Бэррингтон Мур¹. Но в 60-е гг., когда появилась книга Мура, развитие индустрии все еще считалось важнейшим назначением капитализма; и поскольку Мур предлагал лишь усталый отзвук теорий о перманентной революции Троцкого и о комбинированной и неравномерном развитии, то его работа не оставила заметных следов в марксистской дискуссии. Адам Улам, вообще не будучи марксистом, во времена «холодной войны» писал о том, что действительное содержание марксистского движения — это аграрный вопрос². Он стремился таким образом дискредитировать «марксизм» (отождествляемый им с советской идеологией), изображая его продуктом не капитализма, а недоразвитости. И Гершенкрон, давший для исторической науки гораздо больше, чем Улам, также оставлял впечатление тени Троцкого³.

Ни одна из книг в XX в. не оказала более сильного влияния на взгляды марксистов по аграрному вопросу, чем «Новая экономика» Преображенского, которая, несмотря на все свои ошибки, важна для понимания развития международной левой оппозиции⁴. Представление Преображенского о «социалистическом накоплении» за счет крестьянства, в свою очередь, в значительной мере восходит к «Накоплению капитала» Розы Люксембург. Преображенский утверждал, что «рабочее государство» сумеет осознанно и гуманно сделать то, что исторически слепо и кроваво сделало государство капиталистическое — а

¹ См., например: V. Moore. *Social Origins of Democracy and Dictatorship*. Boston, 1966.

² A. Ulam. *The Unfinished Revolution*. New York, 1960.

³ A. Gershenkron. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Boston, 1962.

⁴ E. Preobrazhensky. *The New Economics*. Oxford, 1965. Ch. II.

именно, превращение аграрных мелких производителей в фабричных рабочих (оставалось упрекнуть Сталина за то, что он провел этот процесс осознанно, но кроваво).

Интересные идеи Амадео Бордиги остались за рамками этой дискуссии для большинства западных левых. Бордига, первый генсек Компартии Италии (КПИ) и ее важнейший создатель, был последним революционером, сказавшим Сталину в лицо, что тот — могильщик революции (в 1926 г.), и уцелевший. В том же самом году он был исключен из КПИ вместе с несколькими тысячами «бордигистов». В 1928 г. «итальянская коммунистическая левая» (как она сама себя назвала) избрала Троцкого «лидером интернациональной левой оппозиции». Но за этим последовала длительная борьба между Бордигой и Троцким, которая около 1931—1932 г. закончилась полным разрывом. Бордига остался одним из самых оригинальных, блестящих и притом забытых марксистов столетия (в отличие от Грамши, Бордига всегда оставался неудобным для КПИ и после Второй мировой войны). Во время войны он оставался в Италии (после того, как Коминтерн в обычном порядке исключил его и подверг нападкам, Муссолини на некоторое время бросил его за решетку, а потом он посвятил себя своей профессии инженера). Но с сегодняшней точки зрения действительно интересно только послевоенное творчество Бордиги. Вплоть до своей смерти в 1970 г. он жил практически в неизвестности и успел написать даже несколько статей о революционном движении 1968 г. После войны он считал своей миссией извлечь теоретические уроки из мировой революционной волны 1917—1921 гг. Как почти все антисталинистские революционеры, он в 1945 г. решил, что необходимо разрешить «русскую загадку» и написал три (переведенные на французский язык, но так и не вышедшие по-английски) книги о российской революции и советской экономике. Кроме того, он написал трехтомную историю итальянских левых коммунистов (своей собственной фракции; к сожалению, книга заканчивается 1921 г.) и ряд мелких брошюр и статей⁵. Большинство его статей написаны перегруженным и неудобочитаемым стилем, но их чтение стоит затраченного труда. Самое неожиданное и актуальное во взглядах Бордиги — это его теория о том, что капитализм представляет собой аграрную революцию. К этому взгляду он пришел, вероятно, еще до 1914 г.; некоторые из его самых ранних статей посвящены позиции

⁵ Важнейшие работы Бордиги: «Социально-экономическая структура современной России» (основной труд о российской экономике; на итальянском см.: «Struttura economica e sociale della Russia d'oggi», 1976; французский перевод см.: «Structure économique et sociale de la Russie d'aujourd'hui», 2 тома, 1976); история его фракции 1912—1921 («Storia della sinistra comunista» 1964 г. в трех томах), а также теоретические положения в: «Proprieta e capitale» (Firenze, 1980) и «Mai la merce sfamera l'uomo: la questione agraria e la teoria della rendita fondiaria secondo Marx» (Firenze, 1979). Французское издание статей Бордиги, включая его комментарии к «Экономико-философским рукописям 1844 г.» Маркса см.: «Bordiga et la passion du communisme» (Paris, 1974).

французских и итальянских социалистов по аграрному вопросу.

Следы Бордиги проследить нелегко. Он верил в «революционную анонимность», ненавидел любой культ личности и часто не подписывал свои тексты и книги. В 1967 г. была опубликована бордигистская оценка российской революции под заглавием «На обочине 50-летия Октября 1917 г.»⁶. Она полностью выходит за рамки обычной полемики о Сталине и Троцком (о государственном капитализме) в США, Британии, Франции и Германии. (Например, Бордига никогда не говорил о «государственном капитализме» или о «Советском Союзе», поскольку Советы там давно уже были разгромлены). Для него существовал просто российский капитализм, существенно не отличавшийся от любого другого.

Бордига старался преодолеть фиксированность интернационального революционного движения на России. Он говорил о том, что рабочее движение в прошлом уже не раз испытывало горечь контрреволюции (например, после 1848 г. с победой Луи-Наполеона), так что Россия не представляет собой ничего особенного. Однако то, что он на протяжении 25 лет был занят исследованием российской экономики, опровергает его хладнокровие. (Интересно, что он в 1945 г. смог предсказать длительный период капиталистической экспансии и рабочего реформизма, который после 1975 г. должен завершиться новым мировым кризисом⁷. Анализ России Бордигой выглядел (после 1945 г.) следующим образом. Если во фракционной борьбе 20-х гг. его фракция еще полностью поддерживала Троцкого, главным образом, по причинам, связанным с внешней политикой Советского Союза или Коминтерна, то бордигистский анализ расходился со стратегией «сверхиндустриализации» левой оппозиции, причем исходя, в конечном счете, из «бухаринских» мотивов. После 1945 г. Бордига полагал, что лишь нечто в роде стратегии Бухарина еще оставляло какие-то надежды на сохранение интернационально-революционного характера режима (что было для Бордиги важнее, чем индустриализация России), поскольку она не погубила бы большевистскую партию. В ходе фракционной борьбы в 1924—1928 гг. Бухарин заявлял, что левая «стратегия сверхиндустриализации» Троцкого может быть осуществлена только с помощью самой чудовищной государственной бюрократии, какую только знала история⁸. Когда Сталин украл

⁶ См.: «Bilan d'une revolution» // Programme communiste. # 40-42. Octobre 1967 — juin 1968.

⁷ Об этом пророчестве Бордиги см.: F.Livorsi. Amadeo Bordiga. Roma, 1976. P. 426-444.

⁸ Концентрированное изложение бухаринской критики Преображенского см.: «Bilan d'une revolution», p. 139-140. В противовес стратегии сверхиндустриализации левых Бухарин заявлял, что для этого рабочий класс был бы «вынужден» «создать колоссальный управленческий аппарат. . . Попытка заменить всех мелких производителей и крестьян бюрократами потребует такого колоссального аппарата, что цена его охранения окажется несравнимо выше, чем непроизводительные расходы, проистекающие из анархических условий мелкого производства: в целом весь экономический аппарат пролетарского государства не только не облегчит развитие производительных сил, но фактически будет тормозить его. Она ведет к прямой противоположности того, чего стремится достичь».

программу левых и осуществил ее, полностью подтвердилось, что Бухарин был прав; Троцкий походя признал это сам, после того как большая часть его фракции капитулировала перед Сталиным⁹. Бордига воспринимал идеи интернационального характера революции и советского режима, наверное, еще серьезнее, чем Троцкий; для него идея «социализма в одной стране» была гротескной пощечиной всему тому, за что выступал марксизм, и в этом он был, конечно же, прав. Во время своего последнего столкновения со Сталиным в Москве в 1926 г. Бордига предложил, чтобы коммунистические партии всего мира вместе управляли Советским Союзом в знак наднациональной реальности рабочего движения¹⁰. Нечего и говорить о том, то Сталин и его друзья восприняли это предложение холодно.

Но это было только начало. Работы Бордига о капиталистической сущности советской экономики в отличие от анализа Троцкого концентрировались в значительной мере на секторе сельского хозяйства. Он стремился показать, что в колхозах и в совхозах, то есть в обыкновенных государственных поместьях с наемным трудом, царят капиталистические общественные отношения¹¹. Он подчеркивал, что значительная часть аграрной продукции продолжала изготавливаться на мелких земельных участках (он писал это в 1950 г.) и довольно точно предсказал, в каких объемах Советский Союз, бывший с 1880-х гг. до 1914 г. крупным экспортером пшеницы, начнет импортировать зерно.

То, что Бордига уделял первостепенное внимание сельскому хозяйству, а не сектору индустрии, вытекало, как уже говорилось, из теоретических и стратегических соображений, которые складывались еще в период до российской революции. Для Бордига капитализм означал, в первую очередь, аграрную революцию, капитализацию сельского хозяйства. Исходя из этих соображений, Бордига понимал Бухарина совершенно иначе, чем большинство революционных противников сталинизма. Бордига ввел новое различие между Лениным и Троцким. Большинство тех, кто различал Ленина и Троцкого, были сталинистами и маоистами. Но Бордига полностью перевернул постановку вопроса сталинистами. Бордига характеризует российскую революцию ленинским выражением «двойная революция»¹², при которой взятие политической власти пролетариатом сделало возможным осуществление нереализованных задач буржуазной революции, прежде всего разрушения докапиталистических общественных отношений в сельском хозяйстве. Великим прототипом буржуазной революции был, несомненно, август 1789 г. во Франции. Троцкисты всегда заявляли, что Ленин в апреле 1917 г. «стал троцкистом», поскольку он перенял

⁹ На «бухаринский» аспект оценки Троцким сталинского «левого поворота» после 1928 г. указано в «Bilan d'une revolution», p. 148.

¹⁰ Он заявил это на 6-м расширенном пленуме Исполкома Коминтерна в 1926 г.

¹¹ О капиталистической сущности колхозов см.: «Bilan d'une revolution», p. 172-179.

¹² Представления Бордига о двойной революции см. в различных его произведениях, напр. в: «Russie et revolution dans la theorie marxiste». Paris, 1975, p. 192 и далее.

тезис о перманентной революции. Однако в действительности Ленин придерживался в нюансах другого мнения, нежели Троцкий. Это проявилось в том, как он в 1920—1922 гг. описывал сущность нового режима, прежде всего, в его знаменитой речи на партийном съезде 1921 г., где он полемизировал с первой рабочей оппозицией и ее утверждением о господстве «государственного капитализма» в Советской России. Ленин отвечал: государственный капитализм был бы шагом вперед в сравнении с нынешним положением вещей; в действительности царит мелкотоварный капитализм, в котором государство контролируется политической партией рабочего класса.

Для Бордига это значило, что когда это политическое выражение рабочего класса было разрушено сталинизмом, остался только капитализм мелких производителей. Когда Ленин в начале 20-х гг. говорил о «рабочем государстве с бюрократическими извращениями», он имел в виду совершенно иное, чем Троцкий в 1936 г. Здесь я не могу и не стану разворачивать всю историю о том, кто и что говорил по этому вопросу. За различными стратегическими и тактическими оценками скрываются два противоположных представления о марксизме. Важно, что для Троцкого и троцкистов перманентных характер революции был заложен в «формах собственности» и выражался затем в росте производительных сил¹³. Для Бордига рост производительных сил как раз и был доказательством буржуазного характера советского феномена. Он полностью перевернул аргументы сталинистов, говоря, что проблема состоит не в «недооценке» крестьянства Троцким, а в том, что он переоценивал возможность того, что крестьяне и аграрная революция мелких производителей вообще может иметь что-нибудь общего с пролетарской революцией.

Бордига считает Сталина, а позднее Мао, Хо Ши Мина и т.д. «крупными романтическими революционерами» в духе 19 века, то есть буржуазными революционерами¹⁴. Он имел в виду, что возникшие после 1945 г. сталинистские режимы всего лишь продолжали буржуазную революцию (конфискация класса прусских юнкеров Красной армией; аграрная политика; развитие производительных сил). На тезисы французской леворадикальной группы «Социализм или варварство», в которых режим после 1945 г. был подвергнут критике как государственно-капиталистический, Бордига ответил статьей «Вперед, варвары!», где приветствовал буржуазно-революционную сторону сталинизма как его единственное подлинное содержание¹⁵. (Не нужно соглашаться с Бордигой, чтобы признать, что эта позиция была последовательнее, чем глупый троцкистский анализ после 1945 г., заявлявший, будто сталинисты в Восточной

¹³ В книге «Что такое СССР и куда он идет?» («Преданной революции») Троцкого можно обнаружить поистине лирические описания роста производительных сил в сталинском «рабочем государстве».

¹⁴ «Bilan d`une revolution», p. 95.

¹⁵ Цит. по: L.Grilli. Amadeo Bordiga: capitalismo sovietico e comunismo. Milano, 1982. P.282.

Европе, Китае или Индокитае — это трусливые «реформисты», продающиеся империализму).

Прогресс Бордиги по сравнению с Троцким заключается прежде всего в критике проникшего в троцкизм и его ответвления тезиса о том, что Сталин и сталинизм представляли собой некий «центр» между бухаринскими правыми и троцкистскими левыми. Вряд ли победа бухаринских «правых» в спорах об индустриализации причинила больше вреда международному рабочему движению, чем реальный триумф сталинского «центра». Но тот, кто хотел бы некритически протянуть линию преемственности от Маркса до Троцкого после 1924 г., молчаливо соглашается с этой картиной спектра «слева направо» со всеми последствиями этого.

В 1936 г. Троцкий писал: «Социализм доказал свое право на победу не на страницах “Капитала” . . . , а языком железа, цемента и электричества»¹⁶. С приложением теории перманентной революции не только к созданию Советов (в 1905 и 1917 гг.), но и к государственным формам собственности и, наконец, к развитию самих производительных сил Троцкий довел до предела марксизм Второго и Третьего Интернационалов, который я охарактеризовал бы как «эрзац буржуазной революции».

Послевоенные троцкисты (о которых Троцкий, разумеется, не знал) рассматривали индустриализацию сталинистских режимов в то время, когда в Третьем мире нигде не было заметно признаков развития, как окончательное доказательство их «деформированного социалистического» характера. Вопреки этой позиции Бордига заявлял: «Коммунизм не строят». «Развитие производительных сил» не входит в задачи коммунистов. Он добавлял: «То, что в Советском Союзе строятся “основы социализма” — совершенно верно». Именно это, по его мнению, и доказывало буржуазный характер режима.

Важным примером течения, которое порвало с просталинистской пристрастностью троцкизма, не исследуя заветы фракционной борьбы 20-х гг., была шахтмановская традиция, утверждавшая, что в Советском Союзе господствует «бюрократический коллективизм». По меньшей мере в 40-х гг. она приписывала сталинизму всемирную всеобщую динамику¹⁷ и полагал, что сталинизм

¹⁶ Л.Троцкий. Что такое СССР и куда он идет? Париж. Изд-во «Слово». С.35.

¹⁷ См.: M.Shachtman. The Bureaucratic Revolution. New York, 1962. Здесь Шахтман наиболее детально изложил свои взгляды. Макс Шахтман был одним из основателей американского троцкизма. Вместе с Джеймсом Кэнноном и Мартином Эберном он после 6 конференции Коминтерна в 1928 г. основал «Коммунистическую лигу Америки», из которой позднее возникла Социалистическая рабочая партия (СРП). В 1940 г. его фракция в СРП порвала с Троцким и в противовес троцкистской теории «деформированного рабочего государства» отстаивала классовый характер сталинистской бюрократии в СССР. Его «Рабочая партия» отвергала участие во Второй мировой войне, поскольку она, как и Первая, была империалистической бойней. Однако после войны Шахтман все больше эволюционировал вправо. В 60-х гг. он поддерживал экспедицию против Кубы и Вьетнамскую войну. В момент смерти в 1972 г. он стоял на правом фланге Демократической партии США.

будет на протяжении целой эпохи вести конкурентную борьбу с социализмом за наследие капитала (что опровергнуто недавней историей). Кроме того, для шахтманианцев всегда речь шла исключительно о «демократии». Социализм они понимали в принципе как «демократический коллективизм», так что при отсутствии социализма и капиталистических форм на поверхности существует «бюрократический коллективизм». Все различие между этой фракцией и сталинизмом, а затем и троцкизмом вращалось вокруг того, что происшедшее в России после 1917 г. или 1921 г. было антидемократическим. Это был, разумеется, важный аспект, однако благодаря такому демократическому взгляду шахтманисты молчаливо переняли всю «линию преемственности» вплоть до Троцкого и Ленина в истолковании Троцкого, игнорируя предсказания Бухарина о бюрократизации государства. Все их мышление (шахтманийская традиция никогда не принимала во внимание марксову критику политической экономии) вращалось, иными словами, вокруг противоречия между бюрократией и демократией. Поэтому она позаимствовала представление Троцкого, заложенное уже во Втором и в Третьем Интернационалах: о том, что буржуазная революция имеет целый ряд «задач». Никто среди антисталинистских левых, кроме Бордига, не считал саму попытку «развития производительных сил» доказательством того, что Советский Союз не был рабочим государством ни в какой форме. Для троцкистов эта попытка в рамках национализации и плановой экономики была, естественно, окончательным доказательством того, что он был рабочим государством.

Но Бордига шел еще дальше. Как инженер, он проявил теоретическую строгость, которая могла лишать надежды, но позволяла ему видеть вещи с иной стороны. В принципе он верил, что «коммунистическая программа» раз и навсегда была сформулирована в 1847 г. Марксом и Энгельсом в «Манифесте» и нашла свое подтверждение в появлении в 1848 г. коммунистического течения в рабочем движении во Франции и в других странах. По сути он полагал, будто Маркс и Энгельс разработали «неизменный» метод и все «обновленцы» рано или поздно как хитрые буржуазные филистеры придут к бернштейнианству или чему-то подобному. Но это трогательное настаивание на принципах, заложенных в 1848 году, привело его к удивительным выводам относительно целой, тоже почти что позабытой стороны марксистской традиции. Бордига полагал, что все самое основное по российскому вопросу было сказано еще до смерти Маркса в 1883 г.¹⁸

Большой интерес Маркса к России проявилась в том, что он в 1870-х гг. переписывался с народниками, что после его смерти остались 2 кубических метра записок о сельском хозяйстве России (он не закончил «Капитал», поскольку

¹⁸ См.: *Russie et revolution dans la theorie marxiste*, p. 226-297. Бордига рассматривает там развитие взглядов Маркса на русскую крестьянскую общину и упущенный Россией «исторический шанс» перепрыгнуть капиталистическую фазу.

последние 10 лет жизни все больше занимался аграрным вопросом в России), а также в различных новых предисловиях к «Манифесту» и другим произведениям в период между 1878 и 1883 гг. (Даже Энгельс не должен был знать, как сильно его интересует Россия, и взорвался от ярости, узнав, что его работа над русским вопросом была истинной причиной того, что Маркс не закончил «Капитал») ¹⁹.

Самым важным для Бордиги было то, что Маркс обнаружил русскую сельскую общину и между 1878 и 1883 гг. полагал, что на ее основе Россия сможет буквально перепрыгнуть капиталистическую фазу истории, даже без революции на Западе, и что крестьяне до капитализации сельского хозяйства могли бы сыграть в этом процессе центральную роль. Маркс писал (в своем знаменитом письме в редакцию «Отечественных записок» в ноябре 1877 г.): «Если Россия продолжит идти тем путем, на который она вступила с 1861 г., то она упустит самый прекрасный шанс, который когда-либо давала история народу», чтобы пройти затем через все роковые ущелья капиталистической системы» ²⁰. К моменту своей смерти Маркс решил уже, что Россия упустила этот шанс, и говорил об этом русским народникам.

Для Бордиги вышеупомянутая цитата была марксистским наследием по «русскому вопросу», а «весь кровавый процесс капиталистического накопления» — исполненным Сталиным пророчеством. Вся эта сторона марксова наследия в течении 80-90 лет была затеряна в пыльных архивах или примечаниях, хотя за последние годы в нее снова вдохнули жизнь такие люди как Жак Каматт и Теодор Шанин.

Следует сделать также и ряд честных замечаний относительно позиции Бордиги по вопросу о демократии. Сам он гордо называл себя «антидемократом» и полагал, что в этом он сходится с Марксом и Энгельсом (ниже станет понятно, какое отношение это имеет к аграрному вопросу). Но отрицание им демократии не имеет ничего общего с гангстерскими методами сталинистов. Для него как фашизм, так и сталинизм были вершиной буржуазной демократии! ²¹ Демократия означала для него прежде всего манипулирование обществом как бесформенной массой. Ей он противопоставлял «диктатуру пролетариата», осуществленную основанной в 1847 г. «коммунистической партией» на основе принципов и программы «Коммунистического Манифеста». Он любил ссылаться на дух замечания Энгельса, что «в преддверие революции все силы

¹⁹ Насколько активно Маркс занимался в последние 10 лет жизни проблемой российского сельского хозяйства, показал Теодор Шанин в работе «Поздний Маркс». См.: T. Shanin (ed.). *Late Marx and the Russian Road*. New York, 1983. См. также изданный М.Рюбелем том избранных сочинений Маркса и Энгельса: *Die russische Kommune: Kritik eines Mythos*. Muenchen, 1972. Ср. также: J. Camatte. *Bordiga et la revolution russe: Russie et necessite du communisme*. // *Invariance*. Annee VII. Serie II. No.4.

²⁰ К.Маркс, Ф.Энгельс. Собр. соч. Т. . . . С. . . .

²¹ Анализ итальянского фашизма фракцией Бордиги см.: *Communisme et fascisme*. (1970).

реакции выступят против нас под лозунгом «чистой демократии»» (как в 1921 г. действительно все фракции, оппозиционные большевикам, от монархистов до анархистов, требовали «Советов без большевиков»). Бордига энергично выступал против представления о том, что революционное содержание может возникнуть из демократического процесса развития плюралистических взглядов.

Эта перспектива, разумеется, проблематична. Но перед лицом истории последних 70 лет она, по меньшей мере, подчеркивает тот факт, что коммунизм (как и все общественные формации) является прежде всего выраженным в формах программным содержанием. Она подчеркивает тот факт, что коммунизм для Маркса был не неким идеалом, который следовало достичь, а вырастающее из старого общества «действительное движение» с рядом программных задач²².

В атмосфере «новых левых» 60-х гг., когда вследствие «общества благосостояния» «экономические вопросы», казалось бы, уже не играли никакой роли, дискуссии почти целиком велись вокруг противопоставления бюрократии и демократии и «организационных форм»²³ и тонули в методическом формализме, который мало помог, когда мировой экономический кризис 1973 г. изменил все правила игры.

Когда Бордига в ином контексте должен был сказать, кто является классом капиталистов в российском капитализме, он заявил, что они существуют в промежуточных пространствах российской экономики как формирующийся класс. Для него термин государственный капитализм не имел никакого смысла, поскольку государство могло быть лишь выразителем интересов какого-либо класса; кто полагает, что «государство» может создать способ производства, тот отходит от марксизма. Для Бордига Советский Союз был обществом перехода к капитализму²⁴.

Эта критика формализма имела опять-таки политические последствия, поскольку была связана с взглядом Бордига на роль коммунистической партии. Бордига решительно противостоял повороту Коминтерна вправо в 1921 г.; будучи генеральным секретарем КПИ, он отказался осуществлять «стратегию единого фронта» 3-го конгресса, иными словами, объединить только что созданную КПИ, в которой преобладали «бордигисты», с левым крылом соцпартии, от которого недавно откололся.

У Бордига было совершенно иное представление о партии, чем у Комин-

²² Как писал Маркс в «Манифесте», коммунизм — это не идеал, который должен быть осуществлен, а «разворачивающееся на наших глазах историческое движение». О коммунизме как «действительном движении» см.: Ж. Дове «Капитализм и коммунизм» ru.theanarchistlibrary.org

²³ О критике формализма, состоящего в том, что социализм рассматривается как проблема «организационных форм», см.: Ж. Дове «Ленинизм и ультралевые» ru.theanarchistlibrary.org. // J.Barrot. Communisme et question russe. Paris, 1972. P.139-178.

²⁴ L.Grilli. Amadeo Bordiga: capitalismo sovietico e comunismo. Milano. 1982. P.38.

терна, который приспособился к революционному отливу, обозначившемуся в 1921 г. с англо-русским торговым соглашением, Кронштадтом, введением НЭПа, запретом фракций и поражением «мартовской акции» в Германии. Стратегию западноевропейских компартий, пытавшихся противодействовать этому отливу с помощью поглощения в «едином фронте» массы левых социал-демократов Бордига считал полной капитуляцией перед наступавшим, по его мнению, периодом контрреволюционного отлива. В этом и была сердцевина его критики демократии. Во имя «завоевания масс» Коминтерн, очевидно, готов был к любым возможным программным уступкам левым социал-демократам.

Для Бордига программа была всем, а цифры в смысле количества проданных билетов — ничем. В периоды отлива партии надлежало защищать программу и как можно более широко вести агитационную и пропагандистскую работу, пока времена снова не изменятся. В ее задачи не входило разжигать программу, охотясь за краткосрочной популярностью. Против этой позиции можно выдвигать обоснованные упреки, она может вести в замкнутый мир секты, как, бесспорно, и произошло с бордигистами. Но с другой стороны, она подчеркивает факт, с которым не желали считаться троцкистское крыло интернациональной левой оппозиции и его наследники: основы для восприятия безо всякой критики сталинизма «массовыми партиями» за пределами России в середине 20-х гг. были заложены уже поворотом 1921 г. Чтобы увидеть это, вовсе нет необходимости вставать на антидемократическую точку зрения Бордига. Значение рабочих Советов в России, Германии и Италии полностью прошло мимо Бордига. Но что касается позднейших «социологических» последствий единого фронта 1921 г. для западных компартий — их «большевизации» после 1924 г. — Бордига был прав, а Коминтерн — нет. Ведь социальная база сталинизма с 1924 г. вошла в западные компартии исторически по большей части через тактику «единого фронта» 1921 г.²⁵

Бордига может помочь распознать глубинную дегенерацию мирового коммунистического движения в 1921 г. (а не с поражением Троцкого в 1927 г.), не впадая просто в пустые требования «большей демократии». Абстрактная формальная перспектива «бюрократия — демократия», с точки зрения которой троцкистская традиция рассматривает эту решающую фазу истории Коминтерна, лишена всякого содержания. Всю свою жизнь Бордига называл себя ленинистом и никогда не полемизировал с Лениным открыто, но его совершенно иной взгляд на события 1921 г. и их последствия для Коминтерна,

²⁵ Точно так же и в самой России партия с «ленинским призывом» была переполнена манипулируемыми, неопытными или просто карьерно-ориентированными новыми членами, которых сталинисты без труда использовали против тех немногих, кто остался от старой гвардии. В интернациональном масштабе такие типы как Кашен во французской и Тельман в германской компартиях служат примерами для перемен такого рода в Коминтерне.

его враждебность Ленину и Троцкому в вопросе о едином фронте бросают свет на поворотный пункт, который чаще всего оставляется в тени наследниками троцкистского крыла интернациональной левой оппозиции 20-х гг.

Мысль Бордиги о том, что капитализм равнозначен аграрной революции, служит ключом к 20 веку, по крайней мере, почти ко всему, что левые в 20 веке именовали «революционным», и ключом к переосмыслению истории марксизма и его превращения в идеологии индустриализации отсталых регионов мировой экономики.

Конечно же, Бордига не предлагает ключа для «дерусификации» «очков», через которые интернациональное революционное движение рассматривает мир. Но его концентрация на аграрном вопросе дает этот ключ, если его развивать. До середины 70-х гг. «русский вопрос» со всеми его последствиями был неминуемой парадигмой в политической перспективе левых в Европе и США, а всего 15 лет спустя он воспринимается как древняя предыстория. Тогда поминутное изучение каждого отдельного месяца истории российской революции и Коминтерна с 1917 г. по 1928 г. казалось ключом ко всей Вселенной. Если кто-то относил поражение российской революции к 1919, 1921, 1923, 1927, 1936 или 1953 годам, то уже можно было составить достаточно хорошее представление о том, что он примерно думает о любом ином политическом вопросе на свете: о сущности Советского Союза, Китая, сущности компартий в мире, социал-демократии, профсоюзов, о едином фронте, народном фронте, национально-освободительных движениях, об эстетике и философии, о соотношении партии и класса, значении рабочих Советов и о том, кто был прав в отношении империализма — Люксембург или Бухарин.

Достаточно будет перечислить важнейшие события мировой истории с 1975 г., чтобы увидеть, насколько глубоко изменился наш взгляд на мир. Вспомним хотя бы о таких реалиях 80-х гг., как тэтчеровская Британия, рейгановская Америка, миттерановская Франция, горбачевская Россия и дэновский Китай, то есть о «неолиберальном» (в духе Хайека и Мизеса) потоке, в котором утонули этатистская политика социал-демократии, сталинизма, кейнсианства и бонапартизма Третьего мира. Даже самые основательные знания о российской революции с 1917 по 1928 гг. и вытекающее отсюда «мировоззрение» очень мало помогают в понимании развития Китая после 1976 г. и России при Горбачеве, возникновение так называемых пороговых стран, войну между Китаем, Вьетнамом и Камбоджей, крах западноевропейских компартий, полное отступление британской Лейбористской партии, американской Демократической партии и немецкой СДПГ перед правыми, эволюцию Миттерана к неолиберализму или появление важных «антигосударственных» течений даже в самых меркантилистских режимах вроде Мексики или Индии. Этот список можно продолжить: рабочее движение в Польше с сильным клерикально-националистическим уклоном, оживление фундаментализма в исламе, иудаизме и христианстве, деиндустриализация, высокие технологии, джентрификация. . . Ни

одно из этих явлений не опровергает марксизма, но они опровергают практически всеобщее вплоть до 70-х гг. обыкновение западных левых рассматривать действительность через очки российской революции.

Даже самое лучшее из героических времен немецкой социал-демократии и российского большевизма не годится для подхода к этой новой реальности, хотя последовательный сторонник «третьего лагеря» («ни Москва, ни Вашингтон») с середины 70-х гг. никогда не питал иллюзий в отношении приходящих в упадок этатистских формаций. Но сторонник «третьего лагеря», принимавший ленинскую теорию империализма и иные прогнозы первых трех конгрессов Коминтерна, должен был втайне принимать и подспудные сталинистские предположения, будто мировой капиталистический рынок даже частично не в состоянии индустриализировать Третий мир, — и, следовательно, не мог объяснить подъем так называемых пороговых стран.²⁶

Однако неуверенность коренится глубже, доходя до самого сердца революционной идентичности, выводимой из Второго и Третьего Интернационала. Если взглянуть на «географию» боевых коммунистических массовых партий или режимов в Европе между 1920 и 1975 гг., то она почти с точностью совпадает с географией просвещенных деспотических государств между 1648 и 1789 гг.: Франция, Германия, Россия, Испания, Португалия, Швеция (важнейшая скандинавская компартия, единственная, не ставшая сектой после Второй мировой войны). В Британии, США, Голландии, Швейцарии (и англоязычных «переселенческих» государствах — Австралии, Новой Зеландии и Канаде) нет массовых компартий. Кажущимся исключением является Итальянская компартия ИКП. Но местные меркантилистские города-государства Италии действовали как прототипы просвещенно-абсолютистской государственной мудрости, а региональные оплоты ИКП со всей очевидностью покрываются различным региональным опытом исторической фазы «Старого режима». Наконец, ИКП после 1956 г. была и остается наиболее «социал-демократической» из крупных западных компартий; конечно, по этой причине она единственная и осталась.

Связующим между наличием просвещенно-абсолютистских государств в 1648 г. и массовой компартии или сталинистского государства в 1945 г. является аграрный вопрос. Эти государства, прототипом которых служила Франция, были созданы для того, чтобы ускорить капитализацию сельского хозяйства. Сознательно или неосознанно они сделали со своими крестьянами то же самое, что сделало с крестьянами Советское государство после 1928 г. и что делали либеральные капиталистические режимы в 19 веке. Просвещенно-абсолютистские государства с помощью налогов разорили крестьян, чтобы использовать их в качестве источника для накопления. Эти методы стали реакцией на уже существовавшие в «кальвинистских» странах успешные гражданские общества,

²⁶ О взлете «пороговых стран» и идеологических последствиях этого см.: N.Harris. The End of the Third World. London, 1986.

успех которых основывался на совершенной раннее капитализации сельского хозяйства, вначале и прежде всего в Англии²⁷. Капитализм — это в первую очередь аграрная революция. Прежде чем смогут появиться индустрия, города и городские рабочие, должно быть революционизировано сельскохозяйственное производство, с тем чтобы образовался избыток и могла быть высвобождена рабочая сила из сельской местности. Там, где этого не произошло к 1648 г. (к концу Тридцатилетней войны и тем самым религиозных войн), это должно было быть сделано сверху, государством. Это определило континентальную меркантилистскую традицию, которая после Французской революции вплоть до 20 века утвердилась как зрелый меркантилизм. Это было характерно для Второй империи при Луи-Наполеоне (1852—1870 гг.) и прежде всего Пруссии и находившейся под ее господством Германии при Бисмарке²⁸. В особенности Германия после объединения 1871 г. послужила затем оригиналом для копирования всеми «последышами» в мире, начиная с России.

В этой связи мы можем снова вернуться к тезису Б.Мура. 1860-е гг. были крайне важным десятилетием: гражданская война в США, объединение Германии, объединение Италии, освобождение крепостных в России и реставрация Мэйдзи в Японии. Можно прибавить к этому также индустриальное развитие Второй империи во Франции и создание Третьей республики, но это имело второстепенное значение. Очевидно, страна, не «реорганизованная» изнутри к 1871 г., не имела никаких шансов к 1914 г. принадлежать к «внутреннему кругу» заслуживающих упоминания индустриальных стран. Во-вторых, из пяти упомянутых стран в четырех (опять-таки, не считая Франции) в 1933 г. существовали тоталитарные или авторитарные меркантилистские государства. Из крупных стран в 30-х гг. избежать авторитарных меркантилистских решений смогли лишь те, которые в значительном объеме участвовали в первой северо-атлантической экономике (Британия, Франция, США), а из 5 стран, реорганизованных в 1860-х гг., это были только США. (Важное указание на центральное значение доиндустриального исторического опыта).

Что же приводит к заключению о решающей роли 1860-х годов? Со всей очевидностью, всемирная хозяйственная депрессия 1873 г. и прежде всего депрессия в сельском хозяйстве²⁹. Когда США, Канада, Аргентина, Австралия и Россия в больших масштабах выступили как экспортеры на мировом рынке зерна, в принципе опять-таки сложилось обратная ситуация по сравнению с 1648 г.: континентальные державы в качестве реакции на депрессию в сельском хозяйстве между 1873 и 1896 гг. все вынуждены были перейти к протекционизму,

²⁷ О капитализации английского сельского хозяйства см.: R.Brenner. *The Agrarian Origins of European Capitalism.* // Т.Н.Ashton, С.Н.Е.Philpin. *The Brenner Debate.* Cambridge, 1985. P.213-327.

²⁸ О меркантилистской традиции и ее последствиях см.: R.Szporluk. *Communism and Nationalism: Karl Marx vs. Friedrich List.* Oxford, 1988.

²⁹ О воздействии аграрного кризиса после 1873 г. см.: Н.Rosenberg. *Grosse Depression und Bismarckzeit.* Berlin, 1967.

чтобы спасти свое национальное сельское хозяйство. Наиболее важную роль сыграл союз «железа и ржи» 1879 г. между промышленниками и юнкерами в Германии, скрепивший подчинение германского капитализма и либерализма прусско-германскому государству, в котором доминировали юнкеры. Но подобное же происходило и во Франции, на иберийском полуострове, в Италии и Австро-Венгрии. Выход США, Канады, Аргентины и Австралии на мировой аграрный рынок обрисовал на столетие контуры существующего ядра прогрессивного капиталистического развития. Уже в 1890 г. было дешевле доставить зерно в Барселону из Буэнос-Айреса, чем на 100 миль по суше. Сельскохозяйственные секторы меркантилистских континентальных государств потеряли свою интернациональную конкурентоспособность. До сих пор в достаточной мере не обращали внимания на то, что это означало для развития рабочего движения.

В революционной традиции полагалось, что социализм / коммунизм в основном вырос из взрыва Третьего сословия после Французской революции: с Бабефом, «бешеными» и другими радикальными элементами, стоявшими слева от якобинцев; но прежде всего, с революцией 1848 г. во Франции и в остальной Европе (включая английских чартистов, достигших своего пика в 1848 г.). История, казалось, свидетельствует: с 1793/1794 до 1917/1921 гг. линия тянется из Франции через Германию в Россию — с французскими революциями 1830, 1848 гг. и Коммуной, с подъемом СДПГ до 1914 г., с российскими революциями 1905 и 1917 гг.; и достигает пика в потерпевшей поражение мировой революционной волне 1917—1921 гг., когда в Германии, Италии, Англии и Испании возникли почти революционные ситуации и почти повсюду в мире происходили стачки-восстания. Это был пик «классического рабочего движения». С.Л.Р.Джеймс сказал однажды, что следует реконструировать исторический момент 1917/1918 гг., когда развалился германо-российский фронт, то есть, что с мировой революцией с тех пор дела никогда не обстояли более благополучно, чем перед провалом революции в Германии и поражением всемирной революционной волны. В соответствии с этой исторической линией мыслит ленинско-троцкистская ортодоксия. Если бы революция в Германии предотвратила изоляцию России, вся история 20 столетия пошла бы иначе.

Такой взгляд на историю был весьма полезным «эвристическим инструментом», чтобы избежать ловушек социал-демократии, сталинизма, маоизма и идеологии Третьего мира. Находясь в этой традиции, будучи троцкистом, сторонником «Третьего лагеря» или ультралевым, человек оценивал историю с позиции германских и российских Советов 1917—1921 гг. Это не самый плохой масштаб для исторических оценок; его представление о социалистическом обществе следует однозначно предпочесть кейнсианскому государству благосостояния, сталинистским успехам в годы первых пятилеток или трудоемким сельскохозяйственным «народным коммуна́м» в Китае. Но он ведет в тупик. Он приводит к тому, что история рассматривается так же, как это делали

стратегии Коминтерна в 1920 г.: надо просто продолжить там, где остановились центрально- и восточноевропейские революции против Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых.

Но эти революции с их двойным характером отделены от современности исторической пропастью³⁰. Двойственная природа Октябрьской революции состояла в том, что исторические задачи буржуазной революции были осуществлены в ней под руководством рабочего класса, а затем пролетарское политическое содержание было полностью уничтожено сталинистской контр-революцией.

Некритически проводить линию «преемственности» от Маркса до Ленина и Троцкого как его прямого продолжения в начале 20-го века и превращать российскую революцию в краеугольный камень 20-го столетия (в «поворотный пункт истории, когда история не повернулась», как выразился кто-то) — означает просто позаимствовать весь взгляд на историю до и после 1917 года. Прежде всего заимствуется миф о том, что германская социал-демократия когда-то была революционным формированием, пока в 1890, 1898 или 1914 г. власть в ней не захватил «ревизионизм». Этот ошибочный взгляд на раннюю СДПГ служит центральным мифом, лежащим в основе весьма проблематичного сегодня представления о «позитивности германской социал-демократии и большевизма». Именно этот искаженный взгляд сквозь очки Просвещения захватил левых во всем мире: он восходит к чиновничеству государств просвещенного деспотизма.

Этот тупик сказывается на самых различных уровнях. Начнем с немарксистского «вульгарного материализма» — обычного мышления классического рабочего движения Второго, Третьего и Четвертого Интернационалов. Центром его была вначале СДПГ, а затем большевистская партия.

После открытия рукописей 1844 г., гегелевского влияния в «Капитале», «Тезисов о Фейербахе», набросков по политэкономии (Grundrisse), работ Корша и т.д. многие люди стали задаваться вопросом, как же так получилось, что «вульгарный марксизм» захватил классическое рабочее движение. Почему докантовский материализм (то есть материализм, который, в отличие от маркса, не прошел через диалог с немецким идеализмом и Фейербахом) был так похож на материализм англо-французского Просвещения 18-го века, то есть на идеологию буржуазной революции? Как можно с марксистских позиций объяснить историческую гегемонию вульгарного марксизма? Ведь марксизм отказывается от морально-психологических суждений типа: «потому что они

³⁰ Голландский ультралевый Герман Гортер уже в 1921 г. понимал (в несколько путаной форме, но совершенно правильно): различие между российской революцией и любой возможной революцией на Западе состоит в том, что для западных рабочих аграрного вопроса не существует. Ленин же игнорировал это различие в «Детской болезни левизны. . .». См. написанное Гортером «Открытое письмо товарищу Ленину» (H.Gorter. Offener Brief an den Genossen Lenin. // Die Linke gegen die Parteiherrschaft. Dokumente der Weltrevolution. Bd.3. Olten, 1970. S.416-496).

неправильно думали». Ответ казался не слишком сложным. Если материализм классического рабочего движения, центром которого с 1860 по 1914 гг. была СДПГ и который затем нашел продолжение в российской революции, с точки зрения теории познания мало отличался от буржуазного революционного материализма, то это произошло потому что классическое рабочее движение в Центральной и Восточной Европе было продолжением буржуазной революции. С точки зрения того, кто преклонялся перед героизмом ранней СДПГ, другого осмысленного объяснения было найти нельзя. В конце концов, подобные аргументы выдвигает теория Троцкого о комбинированном и неравномерном развитии: там, где буржуазия слишком слаба и неспособна свергнуть «Старый режим», эта задача ложится на рабочий класс (ошибка Троцкого состояла в том, что он полагал, будто рабочий класс делает социалистическую революцию).

Этот «вульгарный марксизм» был «мировоззрением», выраженным в популярных брошюрах позднего Энгельса и в работах Бебеля, Каутского, Вильгельма Либкнехта, Бернштейна до его превращения в ревизиониста и Плеханова — серых кардиналов Второго Интернационала, ответственных за «формирование» Ленина и большевиков. Не следует забывать, что Ленин только в 1910—1912 гг. начал отдавать себе отчет в происходящем в СДПГ и в 1914 г. отказывался поверить газетным сообщениям о голосовании СДПГ за военные кредиты. Так близок был он этим влияниям. Он написал свою теорию империализма, чтобы объяснить крах СДПГ. Троцкий добавил позднее для последующего объяснения послевоенного поражения в Западной Европе тезис об «отсутствии революционного руководства».

Возможно, картина, нарисованная Раей Дунаевской — Ленин в сентябре 1914 г. в Цюрихе немедленно бежит в библиотеку и читает «Логику» Гегеля, чтобы понять крушение СДПГ³¹ — , придумана. Но так или иначе, «поздний Ленин» после 1917 г. не оставил никаких следов в официальном марксизме, в том числе в Четвертом Интернационале. Философские взгляды Лукача и Корша встретили в Коминтерне 1923 г. лишь усмешки. В интеллектуально-утонченной среде американских левых середины 60-х гг. лучшим англоязычным текстом о философских основах марксизма (до волны переводов с французского, немецкого и итальянского после 1968 г.) была, вероятно, книга Сиднея Хука «К пониманию Маркса». В этом не было ничьей вины: просто-напросто отражение того факта, что обнаружение ранних рукописей Маркса, подлинного масштаба влияния Гегеля на Маркса, критики вульгарного материализма в «Тезисах о Фейербахе» и таких работ, как «Наброски . . .» только в 50-е-60-е гг. начало оказывать воздействие за пределами узкого круга специалистов. Но для этого должна была иметься какая-то историческая причина; ведь дело было не только в том, что, когда и как было опубликовано («Наброски . . .», к примеру, были изданы в 1941 г. в Москве вначале тиражом в 200 экземпляров по-немецки).

³¹ R.Dunayevskaya. Philosophy and Revolution. New York, 1975. Ch.3.

Данный идеологический анахронизм в истории марксизма и рабочего класса нельзя, как уже говорилось, объяснять «неправильным мышлением». Настоящее объяснение надо искать в развитии самого капитализма и его влиянии на интернациональную классовую борьбу. И снова бордигистская традиция отыскала перспективы, которые не играли заметной роли в общих дискуссиях 60-х — 70-х гг., но, по моему мнению, обнаруживают соотношение между аграрным вопросом, периодизацией накопления капитала, действительной исторической ролью социал-демократии и большевизма и исторической взаимосвязью между просвещенным абсолютизмом 17-го века и массовыми коммунистическими партиями века 20-го.

Наиболее интересную попытку пролить свет на этот вопрос предприняли «необордигисты» — французское течение, находившееся под влиянием Бордиги, но не следовавшее за ним рабски: лучшие из них попытались создать синтез из идей Бордиги, от которого совершенно ускользнуло историческое значение рабочих Советов и рабочей демократии и для которого партия была всем, и немецко-голландских ультралевых, обожествлявших рабочие Советы и объяснявших все беды и ошибки после 1917 г. «ленинизмом».

Эти французские течения обратили центральное внимание на текст Маркса, который в долгосрочной перспективе может, вероятно, оказаться более важным, чем весь материал, появившийся на свет с 50-х и 60-х гг. Речь идет о так называемой «неопубликованной 6-й главе» первого тома «Капитала»³². Неизвестно, почему Маркс изъял ее из первоначального варианта первого тома, но это поистине материалистическая «Феноменология духа». Достаточно 10 страниц, чтобы опровергнуть утверждение Альтюссера, что «поздний» Маркс забыл о Гегеле. Но подтверждение преемственности по отношению к методу Гегеля — это далеко не самое интересное. В тексте были разработаны в виде основополагающих категорий различия между абсолютной и относительной прибавочной стоимостью и между «экстенсивной» и «интенсивной» (термины Маркса) фазами накопления, соответствующими «формальному» и «реальному» господству капитала над трудом. Эти различия подаются в очень теоретической форме, Маркс не делает попытки применить их к истории в целом. Но французские ультралевые начали периодизировать историю капитализма именно опираясь на эти различия. Не только марксисты ведут речь об «экстенсивной» и «интенсивной» фазах капиталистической истории; эти термины используются как инструменты описания и буржуазными историками экономики. Одно из течений суммировало сущность различия следующим образом:

³² Впервые была опубликована на немецком и русском языке в Москве в 1933 г. Переиздана на немецком языке под заглавием «Результаты непосредственного процесса производства» отдельным выпуском (K.Marx. Resultate des unmittelbaren Produktionsprozesses. Berlin, 1988) и в «Полном собрании сочинений Маркса и Энгельса» (Marx Engels Gesamtausgabe, II Abt., Band 4.1. Berlin, 1988. S. 24-129). На английском языке издана как приложение к новому переводу «Капитала» (K.Marx. Capital. Vol.1. Harmondsworth / New York, 1976).

«фаза, когда рабочий растворяется и оставляет только пролетария»³³. В этом предложении содержится уничтожающая оценка всей гутмэновской школы «Новой истории труда» (New labor history). В 6-й главе переход к «интенсивному» накоплению характеризуется как «сведение труда к наиболее всеобщей капиталистической форме абстрактного труда» — емкое определение процесса массового производства в 20-м веке в развитом капиталистическом мире. «Новая история труда» — это сплошная ностальгическая песня прощания с фазой формального господства.

«Неопубликованная 6-я глава» проливает свет и на «гегелевский ренессанс» в марксизме и на вопрос, почему серьезный интерес к гегельянским основам Маркса появился в Германии только в 20-х гг. (Лукач, Корш, Франкфуртская школа), а во Франции утвердился только в 50-х гг. Фактически вульгарный марксизм во Франции — среди интеллектуалов — стал модной идеологией только в 30-х — 40-х гг., то есть в период Народного фронта и Сопротивления. Чем объясняется этот 30-летний разрыв между Францией и Германией? Ответ должен, без сомнения, быть как-то связан с большим опережением индустриального развития Германии в 20-х гг. . . . которое Франция нагнала только в 50-х гг. Очевидно, существует связь между «гегельянизируемым» марксизмом и отношениями «интенсивного накопления» и «реального подчинения». Характерно, что в Италии задолго до Франции уже существовала развитая, сильно «германизованная» марксистская культура. Это должно быть каким-то образом связано с тем, что и Италия политически «запаздывала», в то время как Франция участвовала еще в первой североатлантической капиталистической экономике и в волне буржуазных революций 1770—1815 гг. Якобинская традиция, проявившаяся в рационализме Конта, Сен-Симона и Геда, кантианский идеализм Жореса, даже рационализм анархистской традиции (с ее верой в антиклерикальную науку) или, наконец, «светский и республиканский позитивизм» Третьей республики не доросли до уровня посткантианского мышления в Германии. Италия была «германизована» в 1890-х гг., Франция — только в 1930-х — 1940-х гг.

Традиция Ленина-Троцкого делит историю капитализма на две фазы, разделяемые Первой мировой войной. С этого момента начинается «эпоха империалистического упадка». Теоретическим источником этой теории служит дискуссия о «монополистическом капитализме» перед Первой мировой войной (Гобсон, Гильфердинг, Ленин), которая затем на протяжении целой эпохи популяризировалась ленинской теорией империализма. В эпоху расцвета Второго Интернационала капитализм выглядел иначе, чем его описывал Маркс (при этом надо иметь в виду, что второй и третий тома «Капитала» были

³³ См. брошюру французской группы «Отрицание» («Negation») «ЛИП и самоуправляемая контрреволюция» (англояз. изд. группы «Черное и красное» см.: Lip and the Self-Managed Counter-Revolution. Detroit, 1975).

опубликованы только в 1880-х-1890-х гг.; большинство социалистических активистов знали «марксистскую экономическую науку» по первому тому или даже по популярным брошюрам типа «Зарплата, цена и прибыль»). Очевидно, капитализм перешел от фазы «свободной конкуренции» в фазу картелей, монополий, империализма, государственного регулирования, образования финансового капитала, гонки вооружений, колониальных захватов — всего того, что Гильфердинг в 1910 г. характеризовал как «организованный капитализм».

Первая мировая война была поворотным пунктом. Российская революция продемонстрировала, что, говоря словами Ленина, «за каждой стачкой скрывается мировая революция», а период 1917—1921 гг. подтвердил это. После короткой фазы стабилизации в 1929 г. последовали мировой экономический кризис, фашизм, сталинизм и Вторая мировая война, а после нее начались непрекращающиеся национально-освободительные войны. Кто мог в 1950 г. оспаривать, что он живет в «эпоху империалистического упадка»?

Эти весьма реальные явления цементировали целое мировоззрение, было впервые кодифицировано в ранние годы Коминтерна: преемственность по отношению к вульгарному марксизму Каутского из эпохи до 1914 г., обозначение эпохи как «монополистического капитализма», в первую очередь, Бухариным, теории Троцкого о перманентной революции и о комбинированном и неравномерном развитии и оценка исторической фазы как «эпохи империалистического упадка» конгрессом Коминтерна. По крайней мере, это предание в конце 60-х — начале 70-х гг. было наилучшей конденсированной попыткой снова опереться на революционный потенциал германо-польско-российского коридора 1905 и 1917—1921 г. Такая периодизация новейшей истории позволяла рассматривать мир «глядя из Москвы 1920 г.», а это, в свою очередь, делало столь важным распутывание истории российской революции и Коминтерна 1917—1928 гг. В этой истории был заложен камень мудрости — как для троцкистов и шехтманианцев, так и для ультралевых. Этой позиции придерживались до середины 70-х гг. те, которые не питали иллюзий относительно социал-демократии, сталинизма или бонапартизма Третьего мира, то есть выступали против этих идеологий с позиции революционной рабочей демократии в духе рабочих Советов. На определенном уровне мир можно было вплоть до середины 70-х гг. объяснять таким образом, не страшась противоречий. Разве не в Германии и России рабочее движение достигло своего высшего выражения? Разве все после этого не было катастрофой и бюрократическим кошмаром?

Бордига превосхитил эту позицию, написав в 50-х гг.: «Только потому что общественное развитие в этой зоне (имелись в виду Европа и США, — Л.Г.) достигло своей предпоследней фазы, то, что происходит в остальной части мира отнюдь не утрачивает общественного интереса». Для вышеупомянутого мировоззрения (которое тогда разделял и я) то, что происходило в остальном мире,

не имело именно общественного интереса. Кто мог бы всерьез предлагать американским или европейским рабочим Китай, Северную Корею, Албанию или национально-освободительные движения с их государствами в качестве модели? Но хотя вопрос был поставлен правильно, этого мировоззрения было недостаточно.

Почему? Да потому, что оно проходило мимо реалий, которые во второй половине 70-х гг. зашли уже достаточно далеко, — двойного движения индустриализации Третьего мира и техноемкого (high-tech) развития в метрополиях. Этот двойной процесс кардинально изменил условия для западного рабочего движения, к которым была привязана вся перспектива. В 1970 г. перед лицом всего этого сталинистского, маоистского и ориентированного на Третий мир воодушевления в связи с бюрократическими крестьянскими революциями было вполне правильно и революционно полагаться на западный рабочий класс как единственный класс, способный действительно преодолеть классовое общество. Тогда следовало выступать против всей этой болтовни о Третьем мире — так же как и сейчас выступать против ее жалких остатков. Но с тех пор действительно кое-что изменилось: деиндустриализация на Западе и индустриализация в Третьем мире (две стороны одной и той же медали) привели к появлению настоящих рабочих движений в самом Третьем мире — последним по времени примером служит Южная Корея.

До середины 70-х гг. мир выглядел в общем и целом так, как можно было рассчитывать, исходя из вышеописанного героического коминтерновского взгляда. Те же самые страны, которые в 1914 г. составляли индустриальное ядро мира (Западная Европа, США, Япония), все еще оставались ядром. В смысле вышеупомянутых дискуссий ни одна страна, не пережившая «внутренней реорганизации» в 1860-х гг., не находилась в «индустриальном клубе» ни в 1914 г., ни в 1975 г. К тому же, доля промышленных рабочих в общем числе занятых, достигшая между 1900 и 1914 гг. в Германии и Англии своего пика в 45%, в начале 70-х гг. по-прежнему оставалась на том же самом уровне в развитой капиталистической зоне. Конечно, состав занятого населения со временем сильно изменился. Если в 1900—1914 гг. около 45% занятых работали в промышленности, 45% в сельском хозяйстве и 10% в сфере служащих, то в начале 70-х гг. 40-45% работали в промышленности, 5-10% в сельском хозяйстве и 40-45% в различных службах (не говоря уже о создании крупного сектора военной промышленности, которого в начале века еще не было).

Все это свидетельствует о том, что «история» капиталистического общества шла следующим образом. На фазе «классического» «капитализма конкуренции» система в основном превращала крестьян в рабочих, по крайней мере, в Англии, США, Франции, Германии. В период после 1914 г. (фактически он начался в 1890 г.), на новой фазе «организованного» или «монополистического капитализма» или же в «эпоху империалистического упадка» происходило дальнейшее поглощение сельского населения Западного мира (а также Латин-

ской Америки, Карибского бассейна. Южной Европы и Африки) — но куда? Вместо того, чтобы и далее расширять занятость в промышленности, капитализм использовал сильно возросшую производительность стагнирующей части занятых для содержания постоянно растущего сектора служащих, «услуг» (и военной промышленности). Но возвращаясь к главной теме: как раз тогда, когда мизерные 5-10% населения страны продолжали работать в сельском хозяйстве, твердые компартии начали растворяться и уступать место интегрированным партиям социал-демократического типа. Именно это и произошло, например, за последние 15 лет во Франции и в Испании. А в Португалии этого пока не произошло, как раз потому что там значительная часть занятых все еще работает в мелком сельскохозяйственном производстве. Таковы причины изменения компартии Италии. Точно то же самое давно произошло в Северной Европе и США. И так же обстоит дело с проблемами Восточной Европы и Советского Союза. Там теперь как раз завершена «экстенсивная» фаза накопления и предстоит переход к интенсивной фазе, которой Запад достиг в ходе кризиса между 1914 и 1945 гг.

Короче говоря, проблема — от просвещенного абсолютизма в 17 в. до компартий в 20 в. — состоит в экстенсивной фазе накопления: в превращении крестьян в рабочих. В конечном счете это означает, что общество лишь тогда становится полностью и совершенно капиталистическим, когда лишь мизерная часть занятых остается работать в сельском хозяйстве, то есть когда оно переходит от экстенсивной / формальной к интенсивной / реальной фазе накопления. Короче говоря, это означает, что ни Европа, ни США в 1900 г. не были еще настолько капиталистическими, как это полагало социалистическое движение, и что мэйнстрим классического рабочего движения был в первую очередь движением, которое толкало капитализм к его интенсивной фазе.

Если суммировать, то капитализм означает в первую очередь преобразование сельского хозяйства. Аграрный вопрос имел различное значение в истории международных левых. Он был связан с крестьянскими революциями, которые сопровождали французскую и российскую революцию, с утвердившейся с гражданской войной капитализацией сельского хозяйства на Юге США, с аграрной рецессией после 1873 г., с опустением сельских регионов Европы после Второй мировой войны. При этом речь идет, конечно же, об очень разных явлениях, которые нельзя просто сваливать в одну кучу. Но сосредоточим свое внимание на взаимосвязи между интенсивным накоплением и сокращением занятости в сельском хозяйстве до 5-10% как определении «полного и совершенного» капиталистического общества. Полностью и совершенно капиталистическим является сельское хозяйство, когда оно механизировано, как в США. С этой точки зрения, «аграрный вопрос» во Франции был решен не в 1789 г., а между 1945 и 1973 гг. Взаимосвязь между сельским хозяйством и интенсивным накоплением в промышленности состоит в снижении цен на продукты питания как части потребления рабочих, в результате чего была

создана покупательная способность для приобретения продуктов долгосрочного потребления (таких как автомобили), находящихся в центре массового производства в 20 веке.

Подведем итог и вернемся еще раз к Бордиге и необордигистам. Вульгарный марксизм был идеологией центрально- и восточно-европейской интеллигенции, которая вместе с рабочим движением боролась за то, чтобы довершить буржуазную революцию (марксизм Второго и Третьего Интернационалов). Его сходство с докантианским буржуазным материализмом до 1789 г. несводимо к «заблуждениям» («у них были неправильные представления»); оно как раз выражает действительное содержание движения, которое вызвало его к жизни. Это содержание обретает смысл, в конечном счете, в рамках периодизации капиталистической истории, которая дополняет «эпоху империалистического упадка» Ленина-Троцкого понятиями экстенсивного / формального господства и интенсивного / реального накопления. Вся теория «организованного» или «монополистического капитализма» просто скрывала переход от экстенсивного к интенсивному.

Вот почему позиция «официального марксизма» — это позиция складывающейся государственной элиты — находящейся у власти или нет —, движение которой ведет к иной форме капитализма (а именно, к реальному господству), которую она называет «социализмом». В этом анализе подкупает то, что ему не требуется морализирование и он предлагает «социологическое» объяснение для «теории познания». Это означает опять-таки, что материализм этого социального слоя принял форму Просвещения, а его экономическая теория, закреплённая в ленинской теории империализма, была также теорией этого слоя. Это не настоящий марксизм, потому что в тенденции он заменяет анализ производственных отношений и производительных сил анализом «сил» (в сущности, дюрингианским). Теория «монополистического капитализма» — это теория государственных бюрократов: от Ленина и Бухарина, до Бэрена и Суизи, Беттельхейма, Амина и Пол-Пота (при гигантских разрывах, чудовищном упадке, но также и очевидной преемственности). Она в принципе направлена против рабочего класса. Она рассматривает реформизм рабочего класса на Западе как выражение «сверхприбылей» империализма и скрывает различие интересов между государственно-бюрократической элитой и классами крестьян и рабочих в малоразвитых странах, где она находится у власти.

Французские необордигисты, особенно Каматт, показали, что марксизм, прежде всего в России, шаг за шагом превращался из теории «материального человеческого сообщества», «родившегося» из зрелого капитализма действительное движение в нечто, что «строится» при малоразвитом протокапитализме. Это можно обнаружить на примере различия между позицией Маркса по российскому вопросу в 1878—1883 гг. и большевистской полемикой против последней фазы народничества 1890-х гг. Что бы ни думал Маркс о возможной основе непосредственного «скачка» русской общины к коммунизму, он

никогда не написал бы, как Троцкий в 1936 г., что социализм теперь превосходит капитализм «по тоннам стали и бетона». Это не значит, что у Маркса не было основа для продуктивистского дискурса; это значит лишь, что пропасть, отделяющая Маркса от всего марксизма Второго и Третьего (а также Четвертого) Интернационалов, состоит именно в том, что Маркс выходил далеко за пределы «докантовского» материализма и экономики «монополистического капитализма» (и то и другое — мировоззрение чиновничества).

В борьбе между Лениным и народниками 1890-х гг., когда этот усеченный «марксизм» Второго Интернационала утвердился в России, целое измерение марксистского анализа «российского вопроса» до 1883 г., позднее открытое Бордигой, потонуло в продуктивистском хоре. Линейное, механическое выражение «прогресса», составляющее сердцевину исторического мышления Просвещения и перенятое вульгарным марксизмом в виде теории «ступеней истории», в отличие от Маркса, не имело для русской общины никакого смысла. Общинность (материальное человеческое сообщество) как венец коммунизма ликвидируется в пользу продуктивизма. Как только большевики оказались у власти, они взяли схемы воспроизводства из 2-го тома «Капитала» и перевели их на язык справочников по хозяйственному планированию, не заметив, что они и имели дело с «рикардовским» описанием капитализма, которое Маркс опроверг в 3-м томе³⁴. Это открыло дорогу идеологии «пожирателей стали», которую исповедовали сталинские плановики после 1928 г. Между Марксом и Вторым Интернационалом, а позднее большевиками лежит пропасть в сфере «философии» и «экономики». Она выражает различия в «общественных теориях познания», коренящиеся в целях двух совершенно разных классов — рабочего класса и чиновничества. В этом ключе фраза о том, что самое лучшее из германской социал-демократии и российского большевизма безнадежно увязло в государстве, обретает свой подлинный смысл. Обновление представления о революции возможно лишь в том случае, если мы осознали, что они не были прямыми наследниками марксизма, а боковым путем, на котором он смешался с чуждым ему этактистским дискурсом.

В отличие от революционеров 1910 г. мы на Западе живем сегодня в целом и полностью капиталистическом мире. Больше уже не предстоит капитализация сельского хозяйства, для рабочего движения больше нет «крестьянского вопроса». Одновременно мы находимся в самом сердце мирового экономического кризиса масштаба 30-х гг., в котором улетучились все старые революционные представления; и то, как мог бы выглядеть позитивный мир по ту сторону капитализма, сейчас менее ясно, чем когда-либо (новейшая история дала ряд примеров негативных альтернатив). Но если мы поймем, что многое

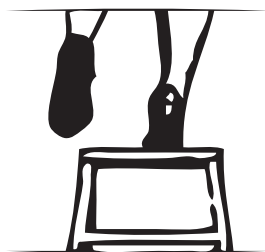
³⁴ О том, как 2-й том «Капитала» использовался в СССР как «настольная книга», из которой вывелись категории процесса планирования, см.: R.di Leo. *Gli Operai ed il sistema sovietico*. Bari, 1970.

из разваливающегося сегодня — в конечном счете лишь наследие просвещенно-абсолютистского государства и его современное продолжение, тогда нам станет ясно и то, что многие употреблявшиеся вплоть до самого недавнего времени понятийные инструменты представляли собой инструментами для завершения буржуазной революции и были разработаны движениями, которые возглавлялись фактическими или потенциальными чиновниками. Если мы освободим марксизм от этого этатистского (государственнического) наследия, мы сможем, наконец, увидеть мир с позиции «разворачивающегося на наших глазах исторического движения» («Манифест»).

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012



Лорен Голднер

Амадео Бордига и современность: коммунизм — материальное сообщество людей
1991

Сохранено 25 января 2012г. из revsoc.org